

Павел Лавринец

Виленские отголоски критических выступлений Адамовича

В статье рассматривается восприятие критики Георгия Адамовича в русской печати Вильно 1930-х гг. на фоне доступности изданий, в которых он сотрудничал. Статья Адамовича о падении интереса к советской литературе была перепечатана виленской газетой, но в сопровождении возражений местного автора. Скептические суждения критика о зарубежной русской поэзии, о советской и эмигрантской литературе в одних случаях разделялись, в других встречали неприятие. Несмотря на свою единичность, отклики выявляют связность поля литературы русского зарубежья и влияние критики Адамовича на его периферийные сегменты.

Ключевые слова: Георгий Адамович, Дорофей Бохан, Сергей Налянич, литературная критика, русское зарубежье.

Парижские издания, в которых сотрудничал Георгий Адамович, были доступны в Вильно. В инвентарных книгах библиотеки Виленского русского общества (далее ВРО), хранящихся в Центральном государственном архиве Литвы, значатся комплекты журнала «Иллюстрированная Россия» за 1927, 1928, 1932 гг., разрозненные номера журнала «Числа» за 1930–1933 гг. В виленских газетах обнаруживаются перепечатки, например, из «Звена» рассказа И. А. Матусевича «Герр Шульц» [1]. В обзорах виленских газет использовались материалы газеты «Последние новости»; виленская «Утро» заимствовала из «Последних новостей» отрывки романа В. Жаботинского «Самсон Назорей», фельетоны Дон Аминадо (А. П. Шполянский) и Lolo (А. Г. Мунштейн). Летом 1927 г. в Вильно побывал основатель и редактор «Иллюстрированной России» М. П. Миронов, как утверждала «Утро», виленский уроженец и выпускник виленской гимназии, начинавший карьеру журналиста в виленской газете «Северо-западный голос» под редакцией М. М. Шата [2].

Вероятно, либо вследствие договоренностей с ним, либо потому, что журнал стал продаваться в Вильно в книжных магазинах Бергера (Завальная 17) и А. Г. Сыркина (Большая 14), как гласили объявления в «Иллюстрированной России» (например, в номере от 27 августа 1927 г.), в виленской газете появились перепечатки из парижского журнала не только эмигранта Валентина Горянского (В. И. Иванов), но и Михаила Зощенко («Административный восторг») и Игнатия Ломакина («Язык бабочек и мотыльков»). «Иллюстрированная Россия» в Вильно пользовалась особым вниманием, потому что здесь чрезвычайно гордились виленчанкой Татьяной

Масловой, которая стала в 1933 г. «Мисс Россия» на проводившемся журналом конкурсе, затем оказалась первой русской среди «Мисс Европы».

В Вильно могли также читать единичные перепечатки из «Звена» стихов и заметок Г. В. Адамовича в варшавской «За свободу!» в 1924–1925 гг., редкие отклики на его полемические выступления в 1926–1927 гг., также отзывы Д. В. Философова 1929 г. на его критические статьи в «Последних новостях», а позднее – обзоры «Чисел». В 1930-х гг. на статьи и «Комментарии», «О Пушкине», «На Западе» Адамовича откликались в варшавских «Молве» и «Мече», у которых были читатели в Вильно. Имя Георгия Адамовича могло обращать на себя внимание виленских читателей и по той причине, что среди них были те, кто помнил его старшего брата Бориса Адамовича – начальника Виленского пехотного училища в 1909–1914 гг. Во всяком случае в Вильно в 1923 г. был проведен сбор пожертвованных для кадетского корпуса в Сараево под начальством генерал-лейтенанта Адамовича. Собранные деньги и церковная утварь одним из деятелей ВРО П. И. Ворониным были переданы через П. Э. Бутенко, уполномоченного Земгора в Польше и руководителя Русского Попечительного Комитета об эмигрантах в Польше. Адамович ответил письмом в редакцию газеты «Виленское утро» с благодарностями за поддержку [3].

На смерть Б. В. Адамовича газета «Новая искра» под редакцией Д. Д. Бохана откликнулась некрологом П. Барышева и стихотворением П. Борина, очевидно перепечатанными из других изданий, и стихотворением местной поэтессы Т. А. Соколовой, заведовавшей библиотекой ВРО и участвовавшей в деятельности Литературно-художественной секции ВРО. В строках «Помню кивер, мундир в орденах, / Помню белые Ваши перчатки», в упоминании «полудетских чувств» нет оснований не видеть свидетельства личного знакомства, продолжавшегося перепиской («Сорок писем в заветной шкатулке») [4]. Сестра Георгия Адамовича – балетный педагог и хореограф – Татьяна Высоцкая, как известно, в Варшаве вместе с мужем вела Школу музыкального воспитания. Трудно сказать, обращали ли в Вильно внимание на ее деятельность и придавалось ли значение ее родству с поэтом и критиком.

Среди редких выявленных откликов на поэзию Адамовича в виленской печати – краткая характеристика в обзоре П. М. Каценельсона «Поэты “Чисел”» в единственном номере литературного журнала «Утес» под редакцией Бохана [5]. Следует упомянуть и «<...> чудесные вещицы: В. Ходасевича “Перешагни, перескочи”. Г. Адамовича: “За слово что помнишь когда-то”...» – немногие с одобрением выделенные Боханом в антологии «Якорь», составленной, как известно, Адамовичем и М. Л. Кантором, среди вещей слабых, посредственных, а то и «заумных», но «с парижским штампом» [6]. В январе 1939 г. виленская газета «Русское слово» в подборке новостей о книжных новинках, главным образом эмигрантской литературы во Франции (выход отдельным изданием романа Г. Газданова

«История одного путешествия», новая книга Лоло-Мунштейна¹ и т. п.), лаконично сообщила о том, что в ближайшие дни выходит в свет в Париже сборник стихов Адамовича «На Западе» [7].

Из первого номера журнала «Встречи» под редакцией Адамовича и Кантора виленская газета «Наше время» («Русское слово»)² 21 января 1934 г. перепечатала статью Адамовича «Незнакомка». Критик поделился своим ощущением падения интереса к советской литературе и у русских эмигрантов, и у иностранцев. Объяснил он это не только ее захоластностью, скудностью и неумелостью, но и, возможно, угасшим интересом к потерянной родине в среде эмиграции [8]. Перепечатку статьи [9] сопровождала статья «Советские писатели и эмиграция», объемом приблизительно в половину текста Адамовича, на газетном листе размещенная выше и левее и таким образом его предваряющая. Автор статьи, подписанной инициалами А. Д. (А. С. Дугорин?), ответил возражениями на два основных тезиса парижского критика.

Во-первых, в советской литературе есть «талантливые и заслуженные писатели», которые могут «сделать честь любой литературе»: Леонов, Пантелеймон Романов, Катаев, Каверин, Булгаков, Федин, Шолохов, Лидин [10]. Для контекста необходимо отметить, что согласно упомянутым инвентарным книгам в библиотеке ВРО имелись издания Леонова («Гибель Егорушки», «Барсуки», «Вор», «Соть»), Романова («Русь», «Огоньки», «Голубое платье», «Новая скрижаль», «Собственность», «Три пары шелковых чулок», «Право на любовь»), Катаева («Растратчики», два экземпляра; «Бородатый малютка», «Время, вперед!»), Булгакова («Роковые яйца», «Белая гвардия», «Конец белой гвардии»), Фебина («Мужики», «Братья»), Шолохова («Тихий Дон», «Поднятая целина»), Лидина (роман «Идут корабли», несколько экземпляров романа «Отступник»).

В скудных записях инвентарных книг библиотеки не всегда указывалось место издания и издательство. Тем не менее позволительно утверждать, что едва ли не все из перечисленных книг были не советских издательств (за исключением «Время, вперед!» Катаева и романов Шолохова). Например, «Гибель Егорушки», «Барсуки», «Вор» Леонова были скорее всего

¹ В действительности не увидела свет.

² Газета братьев Е. А. и Ф. А. Котляревских «Наше время» выходила в Вильно с 1930 г. с приложением рижской газеты «Сегодня»; с 1932 г. ее дублировала их же газета «Русское слово», распространявшаяся без «Сегодня»; со временем «Русское слово» увеличилась в объеме, что повлекло частичное несовпадение содержания газет-близнецов, преимущественно из-за того, что читатели «Нашего времени» получали в большом объеме литературные публикации в «Сегодня», а за их отсутствием «Русском слове» появились дополнительные страницы с литературными материалами в воскресных выпусках; помимо того, в 1938 г. из-за запрета «Сегодня» в Польше «Наше время» два месяца не выходила, поэтому, несмотря на идентичность приводимых публикаций, в списке литературы указываются оба издания.

рижских издательств О. Строка и «Литература»; «Огоньки», «Голубое платье», «Новая скрижаль», «Собственность», «Три пары шелковых чулок», «Право на любовь» Романова – рижских же «Грамату драугс», «Книжная лавка писателей», «Литература», «М. Дидковский», «Жизнь и культура»; «Растратчики» и «Бородатый малютка» Катаева изданы в Риге под фирмой «Литература» и «Грамату драугс». Годом издания трех экземпляров «Роковых яиц» Булгакова указан 1928; очевидно, это – книга, выпущенная в Риге издательством «Литература» со вступительной статьей П. М. Пильского. По-видимому, там же вышла первая часть первого романа Булгакова под названием «Белая гвардия» (1927), с неизвестно кем сокращенным и дописанным по пьесе «Дни Турбиных» текстом [11: 88–92]. В рижском издательстве «Книга для всех» вышла вторая часть романа под названием «Конец белой гвардии» (1929). «Мужики» Фебина выходили в издательстве Строка (1927), «Братья» – в берлинском «Петрополисе» (1928), роман «Идут корабли» Лидина печатало издательство «Грамату драугс» (1930), «Отступник» с предисловием Пильского выпустило «Литература» (1928).

В виленских газетах можно обнаружить отрывки из романов Лидина «Отступник», Фебина «Братья», Шолохова «Тихий Дон». Из советских газет, журналов, сборников виленские газеты перепечатывали особенно много рассказов Лидина и Романова, реже Каверина; немало было перепечаток особенно популярного Зощенко, реже встречались тексты Пильняка. Популярность Булгакова обеспечивали «Зойкина квартира» и «Белая гвардия» («Дни Турбиных») в гастрольных спектаклях рижского Театра Русской Драмы. Популяризатором творчества Романова был один из организаторов и руководителей русской литературной жизни в Вильно, публицист и критик Д. Д. Бохан³. В одной из статей русскую зарубежную литературу он назвал «одним из чудес русского духа» и преемницей литературы довоенной. Но и в литературе «под безумно тяжелым ярмом коммунистической цензуры», на его взгляд, «можно назвать три-четыре имени из группы советских писателей, достойные стать рядом с могиканами литературы довоенной: Короленко, Андреевым, Чеховым; это – Пантелеймон Романов, первоклассный художник и психолог, который оказал бы честь любой литературе; Бабель, Пильняк и другие» [15].

За полтора года до выхода статьи, 27 ноября 1927 г. Бохан выступил с публичной лекцией «Советский быт в творчестве Пантелеймона Романова», организованной Кружком русских студентов Университета Стефана Батория. В лекции он выразил предпочтение Романова перед Зощенко, Пильняком, Инбер, Сейфуллиной, Бабелем, Соболев, Шишковым, Лидиным [16]. Позднее, 31 марта 1933 г., Бохан делал доклад о творчестве Л. Леонова на очередном вечере Литературно-артистической секции ВРО [17]. У Бохана

³ О выдающейся роли Бохана как руководителя русской литературной жизни в Вильно см.: [12: 71–75; 13: 266–267; 14: 317–318].

и других виленских публицистов и критиков высокие оценки и зарубежных, и ряда советских писателей вытекали из стремления укреплять национальное самоуважение, поддерживать чувство гордости достижениями русской культуры на фоне уничижительных отзывов в польской печати. В своих статьях Бохан укорял «русских зарубежных»⁴ за самоуничижение и пренебрежительное отношение ко всему русскому, убеждая, в частности, в высоком уровне современной русской литературы – и советской, и зарубежной. Как бы то ни было, советская литература была в Вильно достаточно хорошо знакома; здесь формировалось положительное отношение если не ко всем, то ко многим ее представителям.

Во-вторых, виленская газета в своем отклике на статью Адамовича особо отметила, что он затронул и «<...> очень сложный и большой вопрос: неужели – и если это так, то почему – новая Россия перестала нас, зарубежных, интересовать и влечь, раз не влечет и не интересует изображающая ее советская литература?». С этим виленский автор также отказался соглашаться: новую, советскую Россию зарубежникам «<...> надо изучать, знакомиться с нею, ибо... она – Россия!..». А Адамович, «<...> как резвый хирург – просто отсекает» то ли Россию от эмиграции, то ли эмиграцию от России, забывая

не только историю всех эмиграций – английской, французской, испанской – но и тот «биологический закон», что эмиграция вымирает, а Россия – живет, хотя бы коммунистическая, чекистская, голодающая... и будет жить, постепенно претворяясь в иную, здоровую. Что не отсекается от нее надо, а как-то действовать, как-то помогать ей сбросить красные вериги и очнуться от коммунистического дурмана [10].

В той же виленской газете к авторитету Адамовича-критика апеллировал Сергей Нальянч (С. И. Шовгенов). Живя в Праге (1922–1929), он входил в литературный кружок «Далиборка» и участвовал в собраниях «Скита поэтов». Обосновавшись весной 1929 г. в Варшаве, Нальянч вошел в Литературное содружество, незадолго до того созданное при Союзе русских писателей и журналистов в Польше, и стал сотрудником газеты «За свободу!», где выступал с нелицеприятной критикой новинок русской зарубежной литературы [18: 89–92]. Между прочим, на первый номер «Чисел» Нальянч откликнулся статьей о помещенных в журнале стихах Адамовича, Георгия Иванова, Оцупа, Ладинского, Поплавского, Гипшиус [19]. С прекращением «За свободу!» он начал весной 1932 г. сотрудничать с виленской газетой: братья Котляревские расширяли свое предприятие и

⁴ Таким обозначением Д. Д. Бохан и некоторые другие авторы виленских периодических изданий подчеркивали общность интересов эмигрантов и местных уроженцев русского происхождения, обычно охватывающих сохранение национально-культурной идентичности и родного языка, образование на русском языке, православного (и древлеправославного) вероисповедания.

помимо газеты «Наше время» с приложением «Сегодня» начали выпуск газеты под названием «Русское слово» с тем же содержанием (со временем с увеличенным объемом части номеров), которая распространялась без «Сегодня», с очевидной целью стать всепольской русской газетой. Весной 1934 г. он обосновался в Вильно и стал одним из ведущих сотрудников газеты [20: 172–179].

Газета явно стремилась привлечь внимание читателей провокативными статьями Наляянча (с пометкой «в порядке обмена мнений») на разнообразные темы, вызывавшими более или менее продолжительные дискуссии. Например, он писал о женском труде как общественном зле, усугубляющем безработицу мужчин [21], о бессмысленности денежных затрат, ущерба здоровью, нужды и лишений ради образования, которое в современной Польше не имеет цены и не обеспечивает благополучия [22], о «матримониальной денационализации», т. е. о грозящем русскому меньшинству *исчезновении*, по той причине, что вследствие материальной необеспеченности браки между русскими становятся все большей редкостью [23].

В 1934 г. Наляянч выступил со статьей о неблагополучии в зарубежной русской поэзии. Поводом послужили стихи в еженедельном журнале «Меч», выходившем в Варшаве чуть более месяца, с 20 мая 1934 г. Это «варшавско-парижская антреприза» во главе с Философовым и его окружением с одной стороны, и Мережковским и Гиппиус с другой, среди прочего могла стать новой площадкой для молодых участников «Зеленой лампы», терявших с прекращением «Чисел» выход к читателю; варшавских же авторов «Меч» должен был вывести за узкие границы «провинции» русского литературного зарубежья [18: 144]. В день публикации статьи 24 июня вышел фактически пятый номер «Меча», помеченный № 8 (среди вышедших номеров были сдвоенные). Наляянч ни в одном из них (т. е. в первых четырех) не обнаружил ни одного удачного и яркого стихотворения. Однако это не был упрек журналу, привлекаемому к сотрудничеству «лучших поэтов Зарубежья». Действительно, в первых четырех номерах со своими стихотворениями выступили Игорь Гребенщиков и Александр Неймирок (Белград), Перикл Ставров, Виктор Мамченко, Владимир Злобин (Париж), Александр Кондратьев (Ровно). Привлеченными к сотрудничеству поэтами можно назвать также Владимира Смоленского со статьей «О кризисе и Поэзии» в первом номере, Юрия Терапиано с откликом на книгу Лидии Червинской «Приближения» в пятом номере, Антонина Ладинского и Довида Кнута в публикации биографических сведений, присланных в ответах на анкету Союза русских писателей и журналистов в Польше.

Причина усматривалась в состоянии самой поэзии русского зарубежья. В доказательство ее неблагополучия Наляянч привел ряд выписок из статьи Георгия Адамовича «Стихи» в парижских «Последних новостях» от 11 августа 1932 г. [24]⁵. Виленский публицист разделял мнение парижского

⁵ См. переиздание: [25: 102–109].

критика о том, что русская зарубежная поэзия оторвана от жизни, избегает сложных глубоких тем и искренности чувств. Поэты, за немногими исключениями, оказываются неспособны отразить глубину и сложность современности. Бедность содержания скрывается нанизыванием «бесконечного количества надуманных образов, без соблюдения меры, не согретых теплым и горячим чувством, не одушевленных определенной идеей», отвращающих читателя. Примером неприемлемой формы и «антихудожественной бессмыслицы» стали цитаты из стихов Аллы Головиной, не позволяющие, как считал Нальянч, разделить восторженные оценки ее поэзии А. Л. Бема (в одном из декабрьских номеров за 1933 г. варшавской газеты «Молва» полоса была отведена объемной статье критика [26] и подборке четырех стихотворений Головиной [27]). Среди внешних причин умирания поэзии Нальянч перечислил отсутствие аудитории и книжного рынка, оторванность от родины и своего народа, неуверенность в завтрашнем дне и материальную необеспеченность русского зарубежного поэта. Положение усугублялось «литературным кумовством» и зависимостью критиков от различных «обществ взаимного обожания» [28]⁶.

Не исключено, что выступление Нальянча отчасти обусловлено и его вероятной неприязнью к Философову и его окружению, после прекращения «За свободу!» начавшими работать в «Молве», а затем в «Мече», где ему места не нашлось, и понятным отношением виленской газеты к варшавским конкурентам. Редакционное примечание к статье «на тему, близкую не только самим поэтам, но и всем, кому дорога русская литература», говорит, что газета рассчитывала вызвать отклики, аналогичные следовавшим за другими статьями Нальянча. Отметив «открытое и смелое указание» своего автора «на вредную для литературы кружковщину, господствующую в зарубежных писательских лагерях и втягивающую в себя и немногочисленных эмигрантских критиков», редакция усмотрела в них сходство с «заявлениями, сделанными в свое время в Париже одним из наиболее независимых русских писателей – М. А. Осоргиным». Очевидно, речь шла о колонке Осоргина «Литературная неделя» в парижском еженедельнике «Дни» за 29 апреля 1928 г., вызвавшей полемику о критике с участием Ходасевича, Гиппиус, Адамовича, Бахраха. Полемика неоднократно рассматривалась [30; 31: 348–350], в частности, в контексте длившейся более десятилетия полемики Адамовича и Ходасевича [32: 55–56] – одного из структурообразующих «центров литературно-полемического текста зарубежья» [33: 172]. Но на этот раз виленской газете вызвать отклики не удалось.

В июне 1938 г. «Русское слово» поместила довольно подробный отчет о докладе Адамовича «20 лет советской и эмигрантской литературы», на который собралось до 500 человек – «весь русский Париж» и «все писатели во главе с нобелевским лауреатом И. Бунинным». Судя по изложению, в докладе Адамович развивал мысль, так или иначе выраженную им в статьях

⁶ См. также в интернетном «Балтийском архиве»: [29].

и рецензиях, о том, что советская литература первых пореволюционных лет оживлялась пафосом, революционным духом. Под казенным контролем властей этот дух исчез, мечтания революционные сменились националистическими (роман Павленко «На Востоке», отчасти Шолохов, А. Толстой) или возвращением «к жизни, простой и неисчерпаемой в своем разнообразии» (Катаев, Герман, Шолохов, А. Толстой). В итоге советская литература, лишенная свободы мысли, чувства, выбора тем и образов, не удалась. В эмиграции же писатели старшего поколения (Бунин, Мережковский, Зайцев), по существу, «продолжатели великих заветов русской литературы», пишут о прошлом и в их новых произведениях «“эмигрантского” почти нет». Но и литература, выросшая в эмиграции (Поплавский, Ладинский, Сирин, Алданов, Лукаш, Г. Иванов, Корсак), тоже не удалась: «Есть отдельные вещи и хорошие, но литературы, как таковой, в ее целом, нет» [34].

Изложение доклада вызвало отклик Бохана. Он риторически отказался задавать Адамовичу «коварный вопрос»: «почему “Мережковский – Бунин – Амфитеатров – Шмелев – Зайцев – Осоргин – Алданов” – не “литература”, а “Короленко – Чехов – Горький – Потапенко – Мамин-Сибиряк и проч.” – считалось и считается “литературой”»? Виленский критик напомнил жалобы критиков XIX в. на упадок русской литературы в те времена, когда «творили Гоголь, Гончаров, Тургенев, Салтыков, Писемский, Достоевский, Лев Толстой...», и привел примеры неоправданных репутаций, когда «Марлинский и Бенедиктов весьма многими ставились выше Гоголя и Пушкина», и ошибок в оценках, когда Михайловский «не угадал» Чехова. Бохан предположил, что таким же образом Адамович «недооценил ни творчества Пантелеймона Романова (“Русь”) и Шолохова (“Тихий Дон”), ни Бунина, Мережковского и, особенно – Алданова» [35].

Вскоре Бохан в статье на одну из его постоянных тем, – тему свойственного русским, по его мнению, отрицательного отношения к собственной культуре и пренебрежения ко всему русскому, – вернулся к скептической оценке Адамовичем современной русской литературы:

Пусть Георгий Адамович горько плачется насчет современной русской литературы: эмигрантская литература не вышла, а советская, мол, и совсем подвела! Но, во-первых, первая дала Алданова и Сирина, а вторая – Шолохова и Романова, а во-вторых, в какой литературе Запада есть сейчас имена более крупные и произведения более значительные? [36]

Таким образом, в виленской печати отдельные суждения Георгия Адамовича о русской зарубежной поэзии, о советской и эмигрантской литературе и находили согласие, и вызывали неприятие. При этом виленские публицисты и критики использовали их в аргументации собственных построений, подкрепляя ими свои позиции. Вероятно, при тщательном изучении виленской печати 1930-х гг. могут обнаружиться и другие отголоски критических выступлений Георгия Адамовича. Однако и приведенных сведений о

единичных откликах в газете «Наше время» («Русское слово») вполне достаточно для выводов о большом значении суждений парижского критика для всего русского зарубежья, включая его периферийные сегменты, и высокой степени связности поля русской зарубежной литературы.

Литература

1. Иосиф Матусевич, «Герр Шульц. Рассказ», Виленское утро, 1924, № 1024, 12 августа, С. 2–3; № 1025, 13 августа, С. 2–3.
2. «Редактор “Иллюстрированной России” в Вильне», Утро, 1927, № 7 (2044), 25 июня, С. 3.
3. Б. Адамович, «Письмо в редакцию», Виленское утро, 1923, № 768, 27 ноября, С. 3.
4. Тамара Соколова, «Сорок писем (Памяти Б. В. Адамовича)», Новая искра, 1936, № 22, 26 апреля, С. 3.
5. П. Каценельсон, «Поэты “Чисел”», Утес, 1931, № 1, С. 10–11.
6. Д. Д. Бохан, «Географический снобизм в поэзии», Искра, 1936, № 36, 23 февраля, С. 2.
7. «Книжные новинки», Русское слово, 1939, № 19 (2137), 24 января, С. 5.
8. Георгий Адамович, «Незнакомка», Встречи, 1934, № 1, С. 17–18.
9. Г. Адамович, «Незнакомка», Наше время, 1934, № 16 (1034), 21 января = Русское слово, № 16 (604), С. 3.
10. А. Д. [А. С. Дугорин?], «Советские писатели и эмиграция», Наше время, 1934, № 16 (1034), 21 января = Русское слово, № 16 (604), С. 3.
11. М. Мишуровская, Борьба за роман «Белая гвардия» и издательские интриги 20-х годов, Москва: ГБУК г. Москвы «Музей М. А. Булгакова», 2015.
12. Tadeusz Zienkiewicz, “‘Litieraturno-Artisticzeskaja siekcy’a’ i jej rola w życiu emigracji rosyjskiej w Wilnie w latach 1920–1939”, in *Studia Rossica III: Literatura rosyjska na emigracji. Współcześni pisarze rosyjscy w Polsce. Frazeologia i frazeografia*, pod red. W. Skrundy i W. Zmarzer, Warszawa: Studia Rossica, 1996, s. 69–75.
13. Tadeusz Zienkiewicz, “Poeci emigracji rosyjskiej i ich zainteresowanie literaturą polską (rekonesans)”, *Acta Polono-Ruthenica*, 2008, t. XIII, s. 265–276.
14. Zbigniew Opacki, “Społeczność rosyjska w Wilnie w dwudziestoleciu międzywojennym. Formy organizacyjne i działalność społeczno-kulturalna”, in *Życie jest wszędzie... Всюду жизнь... Ruchy społeczne w Polsce i Rosji do II wojny światowej. Zbiór materiałów z konferencji 16–17 września 2003 r.*, pod red. A. Brus, Warszawa: Neriton, 2005, s. 309–322.
15. (б). [Д. Д. Бохан], «О Зарубежной литературе (Очерки)», Наша жизнь, 1929, № 185, 13 июня, С. 2.
16. Z. Z., «Советский быт в творчестве Пантелеймона Романова (К лекции Д. Д. Бохана)», Утро, 1927, № 166 (2203), 1 декабря, С. 3.
17. «Лит-Арт. Секция В. Р. О.», Наше время, 1933, № 75 (785), 30 марта = Русское слово, № 75 (355), С. 4.
18. «Лев Гомолицкий и русская литературная жизнь в межвоенной Польше», в Л. Н. Гомолицкий, Сочинения русского периода, в 3 т., изд. подг. Л. Белошевская, П. Мицнер и Л. Флейшман под общей ред. Л. Флейшмана, т. I: Стихотворения и поэмы, Москва: Водолей, 2011, С. 5–282.

19. С. Нальянч [С. И. Шовгенгов], «Поэты “Чисел”», *За свободу!*, 1930, 28 апреля, № 113 (3094), С. 3.
20. Павел Лавринец, «По страницам дела С. И. Шовгенова (Нальянча)», в *Avoti: Труды по балто-русским отношениям и русской литературе. В честь 70-летия Бориса Равдина*, под ред. Ирины Белобровцевой, Аурики Меймре и Лазаря Флейшмана. Stanford, 2012, part II (Stanford Slavic Studies, vol. 43), С. 171–211.
21. С. Нальянч [С. И. Шовгенгов], «Женский труд как общественное зло (В порядке обмена мнений)», *Наше время*, 1934, № 127 (1145), 3 июня = *Русское слово*, № 127 (745), С. 2–3.
22. С. Нальянч [С. И. Шовгенгов], «Горький плод (“Камо грядеши, интеллигенция?”)», *Наше время*, 1935, № 28 (1351), 3 февраля = *Русское слово*, № 28 (921), С. 3.
23. С. И. Нальянч [С. И. Шовгенгов], «Семья и нация», *Наше время*, 1935, № 88 (1411), 14 апреля = *Русское слово*, № 88 (979), С. 3–4.
24. Г. Адамович, «Стихи», *Последние новости*, 1932, № 4159, 11 августа, С. 3.
25. Г. В. Адамович, *Собрание сочинений. Литературные заметки: В 5-х кн. Кн. 2 («Последние новости» 1932–1933)*, подг. текста, сост. и примеч. О. А. Коростелева. Санкт-Петербург: Алетейя, 2007.
26. А. Л. Бем, «Поэзия Аллы Головиной», *Молва*, 1933, № 289 (512), 17 декабря, С. 3.
27. Алла Головина, «Стихи», *Молва*, 1933, № 289 (512), 17 декабря, С. 3.
28. С. И. Нальянч [С. И. Шовгенгов], «На зарубежном Парнасе – неблагополучно», *Наше время*, 1934, № 145 (1163), 24 июня = *Русское слово*, № 145 (763), С. 2, 5.
29. Сергей Нальянч [С. И. Шовгенгов], *На зарубежном Парнассе – неблагополучно*, Дата обращения 22 июля, 2019. Доступен на http://www.russianresources.lt/archive/Nal/Nal_4.html.
30. Roger Hagglund, “The Russian Émigré Debate of 1928 on Criticism”, *Slavic Review*, 1973, vol. 32, issue 3, p. 515–526.
31. Галин Тиханов, «Русская эмигрантская литературная критика и теория между двумя мировыми войнами», в *История русской литературной критики: советская и постсоветская эпоха*, ред. Е. Добренко, Г. Тиханов, Москва: Новое литературное обозрение, 2011 (Научная библиотека. Вып. СП), С. 335–367.
32. Т. Г. Петрова, *Литературная критика русской эмиграции первой волны (Современные отечественные исследования): Аналитический обзор*, Москва: ИНИОН РАН, 2010.
33. О. Р. Демидова, *Метаморфозы в изгнании: Литературный быт русского зарубежья*, Санкт-Петербург: Гиперион, 2003.
34. N. Vitale, «На литературном собрании (Из Парижа)», *Русское слово*, 1938, № 141 (1954), 19–20 июня, С. 2, 5.
35. Д. Д. Бохан, «Критические заметки», *Русское слово*, 1938, № 144 (1957), 23 июня, С. 4.
36. Д. Д. Бохан, «О самооплевании и самообожании (Критические заметки)», *Наше время*, 1938, № 102 (2344), 7 июля = *Русское слово*, № 156 (1969), С. 2, 5.

1930. gadu Viļņas replikas par Georgija Adamoviča polemiskajiem izteikumiem

Rakstā aplūkota Georgija Adamoviča kritikas uztvere Viļņas krievu presē, balstoties uz 1930. gadu materiālu. G. Adamoviča raksts, kurā viņš runā par to, ka lasītājiem ir zudusi interese par padomju literatūru, tika pārpublicēts Viļņas avīzē, taču ar tam pievienotām vietēja autora iebildēm. Kritiķa skeptiskie atzinumi par aizrobežas krievu dzeju, padomju un krievu emigrācijas literatūru tika gan atbalstīti, gan pelti. Viļņas preses reakcija uz G. Adamoviča kritiku liecina par vienotu krievu aizrobežas literatūras lauku un kritiķa ietekmi tās perifērijas segmentā.

Wilno's Response to Adamovich's Critique

The article examines the perception of Georgy Adamovich's criticism in the Russian press of Wilno/ Vilnius in the 1930s. G. Adamovich's article, where he talks about the loss of interest in Soviet literature, was republished in Wilno's newspaper, but was accompanied by a polemic article by a local writer who refuted Adamovich's negative assessments of Soviet writers. The critic's scepticism about cross-border Russian poetry, Soviet and Russian emigration literature was both supported and denounced. The response of Wilno press to G. Adamovich's criticism testifies to the coherence of Russian literature abroad and the influence of the critic in its peripheral segment.